

Издательство
АСТ

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

ТРОЕ В ЛОДКЕ,
НЕ СЧИТАЯ
СОБАКИ

Москва
Издательство АСТ
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереза*
Рисунок на обложке *В. Челака*

Перевод с английского
Мих. Донского, Э. Линецкой

Джером, Клапка Джером.

Д40 Трое в лодке, не считая собаки / Джером К. Джером ; [пер. с англ. Мих. Донского, Э. Линецкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-17-116247-4 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-116249-8 (Школьное чтение)

Джером Клапка Джером (1859–1927) — английский писатель-юморист, драматург.

Будущий писатель мечтал стать политиком или литератором, но, рано осиротев, вынужден был оставить учебу и искать работу. Он нанялся в железнодорожную компанию и собирал уголь вдоль железнодорожных путей, пробовал работать артистом, учителем, упаковщиком, репортером, писал эссе, но предложений опубликовать их не получал. Лишь в 1885 г. с публикацией новеллы «На сцене и за сценой», в которой он рассказывал о собственном опыте, к нему пришел успех.

В 1889 г. было опубликовано главное произведение писателя — «Трое в лодке, не считая собаки». Прототипами главных героев послужили приятели автора — Джордж Уингрэйв и Карл Хеншель. Трое друзей, Джордж, Гаррис и Джей, решают предпринять увеселительную лодочную прогулку вверх по Темзе. Начинаются бесконечные сборы. И вот в одну из суббот друзья, прихватив с собой собаку Джея, фокстерьера Монморанси, выходят из дома, чтобы добраться до реки... Автор продолжает описывать комические ситуации, в которые попадают герои, и все происходящее непосредственно связано с историей Темзы и ее окрестностей.

Книга имела ошеломительный успех и легла в основу многих фильмов и пьес.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116247-4
ISBN 978-5-17-116249-8

© Перевод. Мих. Донской, наследники, 2019
© Перевод. Э.Л. Линецкая, наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие автора

Главное достоинство нашей книги — это не ее литературный стиль и даже не изобилие содержащихся в ней разного рода полезных сведений, а ее правдивость. Страницы этой книги представляют собою беспристрастный отчет о действительно происходивших событиях. Работа автора свелась лишь к тому, чтобы несколько оживить повествование, но и за это он не требует себе особого вознаграждения. Джордж, Гаррис и Монморанси — отнюдь не поэтический идеал, но существа из плоти и крови; в особенности Джордж, который весит около 170 фунтов. Быть может, другие труды превосходят наш труд глубиной мысли и проникновением в природу человека; быть может, другие книги могут соперничать с нашей книгой оригинальностью и объемом. Но что касается безнадёжной, закоренелой правдивости, — ни одно вышедшее в свет до сего дня печатное произведение не может сравниться с этой повестью. Мы не сомневаемся, что упомянутое качество более чем какое-либо другое привлечет к нашему труду внимание серьезного читателя и повысит в его глазах ценность нашего поучительного рассказа.

*Лондон
Август 1889 года*

Глава I

Трое больных. — Немоци Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Спасительный рецепт. — Средство от болезни печени у детей. — Нам ясно, что мы переутомлены и нуждаемся в отдыхе. — Неделя в океанском просторе. — Джордж высказывается в пользу реки. — Монморанси выступает с протестом. — Предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо: Джордж, Уильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о том, как плох каждый из нас, — плох, я, конечно, имею в виду в медицинском смысле.

Все мы чувствовали себя неважно, и это нас очень тревожило. Гаррис сказал, что у него бывают страшные приступы головокружения, во время которых он просто ничего не соображает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тоже ничего не соображает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочел рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по ко-

торым человек может определить, что у него не в порядке печень. Все они были у меня налицо.

Странное дело: стоит мне прочесть объявление о каком-нибудь патентованном средстве, как я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идет речь, причем в наиопаснейшей форме. Во всех случаях описываемые симптомы точно совпадают с моими ощущениями.

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, — кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все, что мне было нужно; а потом от нечего делать начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях. Я уже позабыл, в какой недуг я погрузился раньше всего, — знаю только, что это был какой-то ужасный бич рода человеческого, — и не успел я добраться до середины перечня «ранних симптомов», как стало очевидно, что эта болезнь гнездится во мне.

Несколько минут я сидел как громом пораженный; потом с безразличием отчаяния принялся переворачивать страницы дальше. Я добрался до холеры, прочел о ее признаках и установил, что у меня холера, что она мучает меня уже несколько месяцев, а я об этом и не подозревал. Мне стало любопытно: чем я еще болен? Я перешел к пляске святого Витта и выяснил, как и следовало ожидать, что ею я тоже страдаю;

тут я заинтересовался этим медицинским феноменом и решил разобраться в нем досконально. Я начал прямо по алфавиту. Прочитал об анемии и убедился, что она у меня есть и что обострение должно наступить недели через две. Брайтовой болезнью, как я с облегчением установил, я страдал лишь в легкой форме, и будь у меня она одна, я мог бы надеяться прожить еще несколько лет. Воспаление легких оказалось у меня с серьезными осложнениями, а грудная жаба была, судя по всему, врожденной. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка.

Вначале я даже обиделся: в этом было что-то оскорбительное. С чего это вдруг у меня нет родильной горячки? С чего это вдруг я ею обойден? Однако спустя несколько минут моя ненасытность была побеждена более достойными чувствами. Я стал утешать себя, что у меня есть все другие болезни, какие только знает медицина, устыдился своего эгоизма и решил обойтись без родильной горячки. Зато тифозная горячка совсем меня скрутила, и я этим удовлетворился, тем более что ящуром я страдал, очевидно, с детства. Ящуром книга заканчивалась, и я решил, что больше мне уж ничто не угрожает.

Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собой, какой находкой я был бы для медицинского факультета. Студентам неза-

чем было бы практиковаться в клиниках и участвовать во врачебных обходах, если бы у них был я. Я сам — целая клиника. Им нужно только совершить обход вокруг меня и сразу же отправляться за дипломами.

Тут мне стало любопытно, сколько я еще протяну. Я решил устроить себе врачебный осмотр. Я пощупал свой пульс. Сначала никакого пульса не было. Вдруг он появился. Я вынул часы и стал считать. Вышло сто сорок семь ударов в минуту. Я стал искать у себя сердце. Я его не нашел. Оно перестало биться. Поразмыслив, я пришел к заключению, что оно все-таки находится на своем месте и, видимо, бьется, только мне его не отыскать. Я постукал себя спереди, начиная от того места, которое я называю талией, до шеи, потом прошелся по обоим бокам с заходом на спину. Я не нашел ничего особенного. Я попробовал осмотреть свой язык. Я высунул язык как можно дальше и стал разглядывать его одним глазом, зажмурив другой. Мне удалось увидеть только самый кончик, и я преуспел лишь в одном: утвердился в мысли, что у меня скарлатина.

Я вступил в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной.

Я пошел к своему врачу. Он мой старый приятель; когда мне почудится, что я нездоров, он щупает у меня пульс, смотрит мой язык, разговаривает со мной о погоде, — и все это бесплатно; я подумал, что теперь моя очередь оказать ему услугу. «Главное

для врача — практика», — решил я. Вот он ее и получит. В моем лице он получит такую практику, какой ему не получить от тысячи семисот каких-нибудь заурядных пациентов, у которых не наберется и двух болезней на брата. Итак, я пошел прямо к нему, и он спросил:

— Ну, чем ты заболел?

Я сказал:

— Дружище, я не буду отнимать у тебя время рассказами о том, чем я заболел. Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир, прежде чем я окончу свою повесть. Лучше я расскажу тебе, чем я не заболел: у меня нет родильной горячки. Я не смогу тебе объяснить, почему у меня нет родильной горячки, но это факт. Все остальное у меня *есть*.

И я рассказал о том, как сделал свое открытие.

Тогда он задрал рубашку на моей груди, осмотрел меня, затем крепко стиснул мне запястье и вдруг, без всякого предупреждения, двинул меня в грудь, — по-моему, это просто свинство, — и вдобавок боднул головой в живот. Потом он сел, написал что-то на бумажке, сложил ее и отдал мне, и я ушел, спрятав в карман полученный рецепт.

Я не заглянул в него. Я направился в ближайшую аптеку и подал его аптекарю. Тот прочитал его и вернул мне.

Он сказал, что такого у себя не держит. Я спросил:

— Вы аптекарь?

Он сказал:

— Я аптекарь. Будь я сочетанием продуктовой лавки с семейным пансионом, я мог бы вам помочь. Но я только аптекарь.

Я прочитал рецепт. В нем значилось:

Бифштекс	1 фунт
Пиво	1 пинта
<i>(принимать каждые 6 часов)</i>	
Прогулка десятимильная	1
<i>(принимать по утрам)</i>	
Постель	1
<i>(принимать вечером, ровно в 11 часов)</i>	

И брось забивать себе голову вещами, в которых ничего не смыслишь.

Я последовал этим предписаниям, что привело к счастливому (во всяком случае, для меня) исходу: моя жизнь была спасена, и я до сих пор жив.

Но вернемся к вышеупомянутой рекламе пилюль. В данном случае у меня были все признаки болезни печени (в этом нельзя было ошибиться), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду».

Как меня мучил этот недуг — невозможно описать. Я страдал им с колыбели. С тех пор как я пошел в школу, болезнь не отпускала меня почти ни на один день. Мои близкие не знали тогда, что это от печени. Теперь медицина сделала большие успехи, но тогда все это сваливали на лень.

— Как? Ты все еще валяешься в постели, ленивый чертенок! Живо вставай да

займись делом! — говорили мне, не догадываясь, конечно, что у меня больная печень.

И пилюль мне не давали; мне давали подзатыльники. И как это ни удивительно, подзатыльники часто меня вылечивали, во всяком случае — на время. Да что там говорить, один тогдашний подзатыльник сильнее действовал на мою печень и больше способствовал ускорению движений и незамедлительному выполнению всех дел, которые надлежало выполнить, чем целая коробка пилюль в настоящее время.

Видите ли, нередко простые домашние средства более радикальны, чем всякие дорогие лекарства.

Так мы провели полчаса, расписывая друг другу наши болезни. Я изложил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, просыпаясь по утрам, а Уильям Гаррис рассказал нам, как он себя чувствует, ложась спать; а Джордж, стоя на коврике перед камином, с редкой выразительностью и подлинным актерским мастерством представил нам, как он себя чувствует ночью.

Джордж *воображает*, что он болен; но, уверяю вас, он здоров как бык.

Тут в дверь постучала миссис Попитс и осведомилась, не пора ли подавать ужин. Мы скорбно улыбнулись друг другу и сказали, что, пожалуй, попробуем что-нибудь проглотить. Гаррис высказался в том смысле, что если заморить червячка, то развитие болезни может несколько задержаться. И миссис Попитс внесла поднос, и мы поплелись

к столу и принялись ковырять бифштексы с луком и пирог с ревенем.

Я, должно быть, уже совсем зачах, так как через каких-нибудь полчаса вовсе потерял интерес к еде, — этого еще со мной не случилось, — и даже не притронулся к сыру.

Выполнив таким образом свой долг, мы снова налили до краев стаканы, закурили трубки и возобновили разговор о плачевном состоянии нашего здоровья. Что, собственно, с нами творилось, определенно никто сказать не мог, но мы единодушно решили: что бы там ни было, все дело в переутомлении.

— Нам просто-напросто нужен отдых, — сказал Гаррис.

— Отдых и перемена обстановки, — добавил Джордж. — Умственное переутомление вызвало упадок деятельности всего организма. Перемена образа жизни и освобождение от необходимости думать восстановят психическое равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, которого всякий раз, когда он попадает в полицейский участок, заносят в протокол как студента-медика; поэтому нет ничего удивительного, что на высказываниях Джорджа лежит печать семейной склонности к медицине.

Я согласился с Джорджем и сказал, что хорошо бы найти какой-нибудь уединенный, забытый уголок, вдали от суетного света, и помечтать недельку в сонных его закоулках — какую-нибудь заброшенную бухту, скрытую феями от шумной людской толпы,

какое-нибудь орлиное гнездо на скале Времени, куда лишь едва-едва доносится гулкий прибой девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что это будет смертная тоска. Он сказал, что отлично представляет себе уголок, который я имею в виду, — эту захолустную дыру, где укладываются спать в восемь часов вечера, и где ни за какие деньги не раздобудешь «Спортивный листок», и где надо прошагать добрых десять миль, чтобы разжиться пачкой табака.

— Нет, — сказал Гаррис, — если уж нам нужны отдых и перемена обстановки, то лучше всего прогулка по морю.

Я решительно восстал против прогулки по морю. Прогулка по морю хороша, если посвятить ей месяца два, но на одну неделю это не имеет смысла.

Вы отплываете в понедельник, лелея мечту об отдыхе и развлечении. Вы весело машете рукой приятелям на берегу, закуриваете самую внушительную свою трубку и начинаете расхаживать по палубе с таким видом, будто вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что пустились в плавание. В среду, четверг и пятницу вы начинаете жалеть, что родились на свет божий. В субботу вы находите в себе силы, чтобы проглотить чашку бульона, и, сидя на палубе, отвечаете кроткой мученической улыбкой на вопросы сострадательных пассажиров о том, как вы себя чувствуете. В воскресенье вы уже способны самостоятельно передвигаться и принимать твердую